Моск. комсом. 1973, 2/IV

ТЕАТР

ТРАДИЦИОННОЕ ЧУДО...

Нет на русской земле драматургии, дающей столь счастливую возможность проявления таланта.

СОВСЕМ недавно, накануне юбилея Островского, довелось мне беседовать с мастерами нашего театра. У каждого из них был свой путь в Островском и своя оценка этого пути. У каждого — свое представление о современном прочтении Островского и о роли в нем режиссуры... Я боялась парадного однообразия разговоров — и чуть не «утонула» в захлестывающем разнообразии мыслей, суждений, историй... Но в одном сходились все: Островский рождает артистов. Вчера, сегодня, завтра. Нет на русской земле драматургии, дающей столь счастливую возможность проявления таланта в самом различном «амплуа» — от трагика до комика.

Среди участников предъюбилейного разговора был и народный артист СССР Николай Александрович Анненков, блистательно сыгравший десятки самых различных ролей в пьесах Островского. Я старалась выспрашивать о ролях самого Анненкова, а он переводил разговор на партнеров или учеников. Говорил и о Виталии Соломине, артисте, которого в Малом театре используют типажно, в не бог весть как ярко написанных ролях современных молодых людей. Благо, в самом облике Соломина, в манере его актерской игры есть «манок», привлекающий зал, заставляющий верить этому артисту, даже когда в роли приходится отстаивать банальное... А ведь в училище Соломин считался актером характерным — то есть, способным на острую комедийность, гротеск, перевоплощение...

Для меня рассказ о таком Виталии Соломине был неожиданностью. Я тоже считала его артистом на амплуа «социального героя»...

И вдруг! Не-е-ет, это надо видеть! Я была на спектакле дважды: первый раз — не в силах оторвать взгляда от Соломина. Второй — наблюдая за публикой: ибо это тоже спектакль.

Виталий Соломин играет Ипполита в пьесе Островского «Не все коту масленица» в лучших, наипрекраснейших традициях Малого театра. Он может просто несколько мгновений смотреть в зал — и в меняющемся выражении его лица будет читаться целый монолог, читаться под гомерический хохот. Он может просто приткнуться в углу, почти спрятавшись за занавеской, а на сцене в это время своим чередом идут судопересуды, а взгляд, как бы магически, притягивается к Соломину. И не потому, что другие актеры играют хуже, нет, это ансамбль Малого театра, опять-таки в лучшем понимании этого слова. Но в спектакле, поставленном режиссером Виктором Хохряковым, как лубок, как ярмарочный хоровод, Соломин — заводила хоровода...

Кто-то из критиков вроде бы и упрекнул Хохрякова в том, что недостаточно звучит в спектакле трагическая нота, которая присутствует в любой комедии Островского.

Думается, что это неверно. Островский безбрежен, постановка его пьес всегда требует от режиссера мужества выбора «красной нити». Мы много говорим о песенности Островского. Так вот, если сравнить пьесу с песней, то Хохряков поставил «Не все коту масленица» как частушки. С переборами и переплясами, с задиристыми выходами на первый план, с откровенным желанием «себя показать» и вызвать партнера на словесный и танцевальный поединок. Не случайно так естественно, я бы даже сказала, так необходимо вписываются в этот спектакль танцы, вернее, пляски. Так к месту парень и девушка, вытанцовывающие прологи и эпилоги действий. Так точен лубочный, аккуратненький, с занавесочками и геранькой домик (художник В. Клотц).

Спектакль-гулянье, спектакль-праздник, спектакль-наслаждение режиссерской выдумкой и главное — актерской игрой...

И радостно, что молодые артисты так уверенно держат в этом спектакле марку Малого.

Не только Виталий Соломин, который стал здесь и событием, и открытием, но и Галина Буканова, играющая Матрену, тоже стала открытием в этом спектакле. Как и Тамара Торчинская — Агничка — воплощение какой-то солнечной задиристости...

Впрочем, а что здесь удивительного? Ведь Островский «рождает» артистов. Все, как и должно быть в «Доме Островского». Традиционное чудо.

С. ОВЧИННИКОВА.

277